CZU: 355.2:355.48(470:560)″1768/1774″ **https://doi.org/10.59295/sum10(220)2025_03**

СЛУЖБА В РОССИЙСКОЙ АРМИИ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ МОЛДАВСКОГО И ВАЛАШСКОГО НОБИЛИТЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕЛОБИТНЫХ, ПОДАННЫХ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГОДОВ)

Александр ПОНОМАРЁВ,

Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев

На основании архивных документов рассматривается стремление представителей молдавского и валашского нобилитета, которые ходатайствовали перед генералом Петром Румянцевым за своих детей с просьбой принять их на военную службу, получая возможность их социального продвижения по карьерной лестнице. В качестве приложения публикуются документы, которые охватывают период с ноября 1770 г. по январь 1772 г., а именно: донесение от спэтарула Дивана Мунтении Стефана Топличана, прошение полковника Волошского гусарского полка Родиона Кантакузино и прошение ясского протопопа Михаила Стрильбицкого. Через истории трех семей показан срез тогдашнего общества и желание местных элит стать на сторону сильнейшего, а также готовность с одной стороны, поддержать российскую армию, вторгнувшуюся в Княжества, а с другой начать новую жизнь, обретая подчас и новую родину. В последнем случае мы имеем дело с российским агентом влияния, служившим в Молдавии при местных митрополитах и активно помогавшим российской армии.

Ключевые слова: *Румянцев,* Топличан, Кантакузино, Стрильбицкий, *челобитные, военная служба, типография, имения.*

SERVICIUL ÎN ARMATA RUSĂ CA MIJLOC DE PROMOVARE SOCIALĂ PENTRU COPIII NOBILITĂȚII MOLDOVENE ȘI VALAȘENE (PE BAZA PETIȚIILOR DEPUSE ÎN TIMPUL RĂZBOIULUI RUSO-TURC DIN 1768–1774)

Pe baza documentelor de arhivă, articolul examinează aspirațiile reprezentanților nobilimii moldovenești și muntene, care i-au adresat generalului Petr Rumianțev, în numele copiilor lor, petiții pentru a-i accepta în serviciul militar, oferindu-le astfel oportunitatea de avansare socială în carieră. Anexa conține documente care acoperă perioada noiembrie 1770 – ianuarie 1772, și anume: un raport al spatarului Divanului Munteniei, Ștefan Toplican, o petiție a colonelului Regimentului de Husari Munteni, Rodion Cantacuzino, și o petiție a protopopului ieșean, Mihail Strilbițki. Prin intermediul poveștilor a trei familii, este prezentată o secțiune transversală a societății vremii, alături de dorința elitelor locale de a se alătura celor mai puternici, precum și disponibilitatea lor, pe de o parte, de a sprijini armata rusă care invadase Principatele, iar pe de altă parte, de a începe o viață nouă, uneori chiar găsind o nouă patrie.

Cuvinte-cheie: Rumianțev, Toplician, Cantacuzino, Strilbițki, petiții, serviciu militar, tipografie, moșii.

При изучении дел фонда 246, Военно-походная канцелярия генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, который хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины, г. Киев нами были выявлены ряд документов (челобитные, донесения, рапорты), позволяющие реконструировать некоторые подробности событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. бóльшая часть входящей корреспонденции была адресована на имя главнокомандующего Первой армией П.А. Румянцева, который представлял собой наивысшую военную и гражданскую власть в Украине-Гетманщине и в указанной армии. Среди

донесений и рапортов подавались также челобитные как на имя главнокомандующего Первой армией, так и на имя императрицы Екатерины II, но по сути на рассмотрение подобные документы подавались всё тому же П. А. Румянцеву. Такие обращения подавались самими челобитчиками (представителями сотенно-полковой старшины Украины-Гетманщины) или их родителями и старшими братьями, если просители находились в подростковом возрасте.

В челобитных указывалось имя подателя и социальный статус его родителей (казацкая старшина, мещане, священники и т.д.), принадлежность к малороссийской шляхте (если таковой факт имел место), возраст (очень редко), где челобитчик обучался грамоте и какой курс наук он прошёл (дома или в учебном заведении), какими умениями и навыками владеет проситель (фехтование, верховая езда и т.д.), куда именно челобитчик просит взять его на службу (пехотные или кавалерийские полки Первой армии). Стоит отметить, что отдельно указывалось знание языков, поскольку большая часть челобитчиков до войны делала карьеру на должностях писарей или канцеляристов сотенных и полковых канцелярий или в Малороссийской коллегии.

После рассмотрения в Военно-походной канцелярии П. А. Румянцева на документе ставилась помета, о том що челобитная „ордерована”, то есть, что по этому документу вынесено решение, как правило, позитивное. Если документ не был „ордерован”, то это означало отказ в просьбе. В ряде случаев ставилась помета „отписано”, если требовалось поставить в известность третью сторону.

Выявленые нами чолобитные охватывают промежуток от осени 1770 г. до лета 1774 г., хотя позже встречались единичные случаи обращений с просьбой принять на военную службу. Кроме обращений от детей украинского нобилитета челобитные подавались и от детей польской шляхты, жившей на Правобережной Украине, детей священников и мещан Украины-Гетманщины, что было всё же редким исключением.

Среди документов на имя П. А. Румянцева были выявлены обращения представителей молдавского и валашского нобилитета, которые ходатайствовали себя или за своих детей. Особый интерес, по нашему мнению, представляют публикуемы нами документы от нобилей Молдовы и Цара Ромыняскэ, которые и отличаются и по форме (донесение, рапорт, прошение) и по содержанию (структурированы иначе, нежели челобитные сотенно-полковой старшины Украины-Гетманщины). В частности, выявленные нами документы охватывают период с ноября 1770 г. по январь 1772 г., когда П. А. Румянцеву было подано донесение от спэтарула Дивана Мунтении Стефана Топличана, прошение полковника Волошского гусарского полка Родиона Кантакузино и прошение ясского протопопа Михаила Стрельбицкого, в которых они просили принять своих детей на военную государеву службу, что давало в те годы возможность социального продвижения по карьерной лестнице. Первый документ остался без резолюции, тогда как два последних были удовлетворены.

Наряду с указанными трёмя документами в фонде 246, Военно-походная канцелярия генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, хранятся и обращения от лиц напрямую связанных с княжеством Молдова. Среди этих документов, уже оформленных как „классические” челобитные можно выделить следующие.

16 января 1772 г. Николай Козмица в своей сказке (которая прикладывалась к челобитной) писал, что он „уроженец Молдавскаго княжества Харловского цынута (цинут Хырлэу. – А. П.), сын баярина Лупола Казмица”, и что „в службах прежде сего, как росискай (!), так и других, кроме что при арнаутах… нигде во определении не был” [21, л. 57]. В собственно челобитной боярского сына Николая Луполовича Козмицы говорилось. „Бьет челомъ Молдавского княжества города Яс боярской сын Николай Луполович Козмица”, который сообщал при этом весьма важные для современного исследователя личные данные. „От роду мне 20 лет, грамоте читать и писать по-волоски умею, а по-росиски (!) говорить и имя подписать знаю. За отцем моим в разных цынутах состоит пять деревень”[21, л. 56]. Исходя из своего опыта службы волонтиром арнаутских команд Николай Козмица просил принять его на службу в Нижегородской карабинерной полк. К сожалению, такие подробные челобитные среди иностранцев большая редкость, поскольку в основном проситель указывал имя, социальное положение и желание служить в таком-то полку.

22 мая 1772 г. была подана челобитная от сына „молдавской нации, киевскаго мещанина Андрея

Пержевскаго", Демьяна, который достигнув совершеннолетия, просил принять его на службу в Волошский гусарский полк, которым, как известно, командовал князь Родион Кантакузино [19, л. 64].

В июле 1772 г. была подана челобитная от переводчика грека Георгия Смирнова, который, начиная с 1769 г. находился „при Молдавском Диване за перевотчика". Георгий Смирнов писал, что „грамоте читать и писать по-гречески, а говорить по-российски, по-немецки, по-[и]талиянски, по-галански, по-турецки и по-молдавански знаю" [23,л.38]. Обладая такими недюжинными способностями, Георгий Смирнов просил определить его на службу в Новгородский пехотный полк. Можно предположить, что жалованье переводчика была не столь высоким, что заставило грека-полиглота пойти на службу в армию.

10 апреля 1773 г. в челобитной сына молдавского боярина Константина Сердана, Григория Рышкана, который проживал в столице Княжества – Яссах, была изложена просьба принять его на службу в Первый гренадерский полк[1].

22 апреля 1773 г. в челобитной сына молдавского стольника Мануйлы Занфировича (Замфираки ?), Николая сообщалось, что его покойный „отец, закона греческого служил здесь в Молдавии стольником" [24, л. 40], прося в конце принять его на службу в пехотные полки.

Войны кроме смертей и разрушений несли в себе, как не удивительно, эвентуальный потенциал относительно развития отдельно взятых личностей, которые при благоприятных обстоятельствах могли сделать карьеру, соответственно тем возможностям, которые открывались на войне. Не последнюю роль в карьерном росте играло происхождение и связи родителей с представителями высшего общества. Но не только желание карьеры двигало ими. Молодые люди записывались в армию, стремясь кто к самореализации, кто из желания быть причастным к бурным событиям современности, а кто шёл туда „на ловлю счастья и чинов". Ниже приведенные обращения нобилей представляют собой неизданные документы, которые свидетельствуют о стремлениях местных элит использовать военную службу как социальный лифт, и тем самым утвердить положение своих детей в российском обществе.

***

Первый документ представляет собой донесение спэтарула Дивана Цара Ромыняскэ Стефана Топличана, который сыграл немалую роль в оккупации его страны российскими войсками. Капитан арнаутских команд переводчик Илья Давидович, который с самого вступления российских войск в Цара Ромыняскэ находился при Диване Мунтении „при столникѣ за спатария правящем ТопличанѢ" [22, л. 55] сообщал, что „по пребыванию сего боярина (Топличана. – А. П.) при Второй дивизии во всѣх ея походах употреблен был к секретным делам, и к доставлению всего надобнаго" [22, л. 55]. Также переводчик Илья Давидович в одном из своих рапортов за декабрь 1771 г. подтверждал лояльность российским властям Стефана Топличана, однако так поступали не все бояре Княжеств.

Напомним, что боярская верхушка, исходя из итогов русско-австрийско-турецкой войны 1735–1739 гг., не была уверена в военном и дипломатическом исходе войны, а потому не спешила проявлять свою преданность. Так, в начале мая 1769 г. командующий Первой армией генерал-аншеф А. М. Голицин в своем донесении Екатерине II докладывал, что „на помощь крупных бояр княжества нельзя полагаться, а при штурме Хотина не только не оказали помощи, но и не явились к армии" [2, с. 27; 31, p. 118]. С другой стороны были и сторонники России, такие как монах Иосиф Челавский, который в марте [1769 г.] был прислан от высшего молдавского духовенства к генералу А. А. Прозоровскому, выражая от их имени готовность сообщать российскому командованию сведения о неприятеле, а также заготовить продовольственные припасы [4, с. 152]. Подобная ситуация была в Валахии, где верхушка бояр и духовенства во главе с их лидером Пырву Кантакузино сообщали А. М. Голицину о „планах и дислокации султанских войск" [11, с. 318], но часть бояр, не желая подвергать себя опасности, всё же покинули страну.

В сентябре 1769 г., когда русские войска вошли в Яссы, а молдавский митрополит Гавриил стал

1. Дословно так: „Молдавскаго княжества города Яс боярина Сердана, от сына ево, Григория Рышкан Костентиновича" // ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 442, л. 43.

приводить население столицы к присяге Екатерине II господарь Григорие Каллимаки, не разделявший оптимизма жителей Ясс по поводу русской оккупации, бежал в Бухарест. В ноябре того же года подполковник Назар Каразин во главе арнаутского войска выбил их турок из валашской столицы, „взяв в плен… волоского господаря князя Григория Гика с братом, сыном и со всеми его придворными” [10, с. 212–213; 13, с. 107; 26, л. 29]. Это произошло 17 ноября 1769 г., причём не только благодаря стараниям Назара Каразина, но и действиям пророссийской партии бояр во главе с Пырву и Михаилом Кантакузино [1, с. 134–135].

При вступлении российской армии в Бухарест правящая верхушка, состоящая из крупных бояр, всё же удалилась в Трансильванию [1, с. 135]. Как отмечает очевидец, „все находившиеся во оном бояре разъехались по разным местам; а только остался один спатарь Топличан, которой тогда и употреблен был к доставлению всего нужнаго для войск” [17, л. 7] Первой армии, учитывая непростые обстоятельства, сложившиеся в Княжестве в ходе войны. Сам же Илья Давидович, „по знанию… росискаго и валожскаго езыков”, и для помощи в исполнении должности, а также „по прозьбе ево… спатаря Топличана, по повелению… генерал-фелмаршала командующего Первою армиею остался… при нем… спатаре”, начав исполнять возложенные на него обязанности с 10 ноября 1770 г. [17, л. 7].

Стефан Топличан был назначен на должность мечника в соответствие с повелением П. А. Румянцева от 16 января 1770 г. [15, л. 54 об.] и как свидетельствовал 6 ноября 1770 г. сам Топличан „…и понынѣ в том чинѣ и остаюсь, и был безотлучно при своем правлении, даже до выходу из Бокурешта войск российских” [15, л. 54 об.]. После выхода частей Первой армии из Валахии Топличан, „взяв жену и дѣтѣй своих, оставя все свое имущество, слѣдовал при корпусѣ от Бокуреста в Молдавию” [15, л. 54 об.]. В результате чего имущество спэтарула, „оставшее… в разных мѣстах: пять каменных домов и палат, и все к тому принадлежащее строение, виноградy и скот всѣ без остатку вконец разорено и пограблено турками” [15, л. 54 об.].

Стефан Топличан, надеясь сохранить и укрепить свои позиции, писал в своем донесении, „и как нынѣ по власти всевышняго творца войски российские непобѣдимым своим оружием имѣют авантаж и вступили по-прежнему в Княжество Мунтянское, то, чтобы я при Диванѣ тѣм спатарским чином навсегда остатца мог учинить повеление, и отправит бы меня к находящемуся в Мунтянии корпусу, дабы я нынѣ как и прежде в потребностях и в доставлении провианта сколько возможность моя будет, свою услугу и ревность показать мог” [15, л. 64]. Стефан Топличан, учитывая свои заслуги, также просил о том, чтобы двоих его сыновей „для просвѣщения… и чтобы и они навсегда службу и вѣрность ея императорскому величеству оказывать могли” [15, л. 64] приняли в Кадетской корпус[2]. Уже позже, в 1784 г. фамилия Топличан встречается в делах в несколько ином контексте[3].

***

Князь Родион Матвеевич Кантакузино (Кантакузен)[4] происходил из валашской ветви византийского императорского дома Кантакузино. Как и спэтарул Стефан Топличан он оказывал российской армии помощь, в частности при захвате столицы Молдавского княжества – Ясс. Летом 1771 г. был

2. В 1766–1800 гг. это учебное заведение называлось Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус. В просторечии Кадетский корпус, учащиеся которого назывались кадетами, а выпускались из учебного заведения в чине прапорщиков.

3. В рапорте генерал-порутчика Алексея Ширкова генерал-фельдмаршалу Петру Румянцеву за февраль 1784 г. говорилось следующее: „Содержавшаяся в Киевѣ, в силу ордера вашего сиятельства, под караулом ис-под оного по повелѣнию вашего ж сиятельства освобожденная, подпорутчика князя Иустиниана Топличаны жена, княгиня Анна Герасимова, просит меня о дачи ей з будущими при ней [людьми] пашпорта на свободной проезд заграницу в Польшу”, в связи с чем генерал Ширков спрашивал разрешения у Румянцева. Можно предположить, что помянутый подпоручик Иустиниан был одним из сыновей спэтарула Стефана Топличана. // ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 853, л. 190–190 об.

4. Родион (Раду, Радукан) Матвеевич Кантакузѝно. В российской историографии принято написание Кантакузен, как уже подписывался и сам Родион Матвеевич летом 1771 р. Поэтому здесь мы используем обе формы // ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 224, л. 63. О ударениях в румынских фамилиях, в т.ч. иностранного происходжения см.: Т.А. Репина, История румынского языка. Учебник, СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002, с. 64.

создан Волошский гусарский полк, полковником которого и был назначен Родион Кантакузино. В рапорте, поданном 7 августа 1771 г. он доносил П. А. Румянцеву, что для вербовки „в полк мой в гусары людей избрал я способным мѣстом город Фокшаны, где мнѣ жить и сей набор продолжать гораздо других мѣст выгоднее будет" [16, л. 53].

В июле 1771 г. Раду Кантакузино излагает П. А. Румянцеву свою „партикулярную… нижайшую прозбу о родном своем сынѣ, чтоб ваше… сиятелство, умножая свои ко мнѣ милости, повелели принять сего в службу ея императорского величества с подобным милосердия примѣром явленным при приемѣ меншего моего сына" [16, л. 53 об., 63]. То есть в июле Родион просит принять старшего сына Ивана (1756–1828) на службу, как уже был принят Николай (1761–1841). Действительно, Николай фигурирует в „Списке имянном штаб- и обер-афицерам, представл[енным] ко определению в формируемый Волоской гусарской полк" (1 ноября 1771 г.), где среди 4 офицеров, 2 прапорщиков, 1 вахмистра и 1 аудитора значится „неопределенной в полк прапорщик Николай Кантакузин" [18, л. 143]. Это означало, что Родион Кантакузино записал своего сына сверх штата или, что более вероятно, записал в штат, но за малолетством (возраст около 10 лет) Николай к службе не был определён, то есть фактически не служил.

Императрица Екатерина II сохранила за Родионом Матвеевичем и его потомками княжеский титул и право пользоваться родовым гербом [12, с. 95]. После нелепой смерти Родиона Кантакузино в 1774 г. опека над детьми была поручена их родному дяде Михаю Кантакузену, который в 1776 г. получил чины генерал-майора и действительного статского советника, а также семь сёл в Могилёвской губернии [12, с. 95]. О службе старшего сына Ивана документы фонда 246, Военно-походная канцелярия генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, ничего не сообщают. Тогда как о Николае из историографии известно, что он в 1789 г. поступил в Екатеринославское козацкое войско, принимал участие в штурме Измаила в 1790 г., а в 1791 г. навербовал из арнаутов так называемый Левантский полк, местом поселения которого были определены земли бывшей Бугогардовой паланки Войска Запорожского на р. Южный Буг. Позже Николай Кантакузен командовал Малороссийским кирасирским полком, а в 1808 г. стал наказным атаманом Бугского казацкого войска, вместе с которым принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. В 1818 г. Николай Кантакузен получил значительные земельные наделы в Херсонской губернии и чин генерал-майора [12, с. 95]. В целом эта ветвь Кантакузинов за верную службу Российской империи получила в 1781–1792 гг. земельных наделов в размере 54 тысяч десятин: Иван и Николай Родионовичи (25 тыс. дес.), Матвей Иванович (12 тыс. дес.), Пырвул Григорьевич (6 тыс. дес.), Раду Григорьевна (урожд. Каллимахи) (11 тыс. дес.)[5].

***

М. Стрильбицкий (1728–1807) или (1730–1805/1807) (рус. Стрельбицкий, рум. Strilbiţki)[6] молдавский типограф, гравёр, издатель и переводчик был выходцем из полкового центра Украины-Гетманщины – г. Миргород. По неподтверждённым данным родился он в семье священника, а за другим – гравёра. Миргородский краевед Людмила Розсоха сообщает, что в городе в 1737 году функционировали три церкви – Успенская, Воскресенская и Троицкая, а в их главе, то есть протопопом был «Стефан Стрельбицький» [8, с. 18]. Можно предположить, что Стефан Стрельбицкий (Стрильбицкий) и был отцом Михаила Стрильбицкого, поскольку последний также пребывал в церковном сане, когда находился около молдавских митрополитов, а в 1787 г. императрица Екатерина II за заслуги перед империей разрешила ему «носить на шее крест, каков употребляют архимандриты» [9, с. 134–135]. Однако из-за слабой сохранности источниковой базы за первую половину XVIII ст. (метрических книг, исповедных росписей, клировых ведомостей) на данный момент установить родство между Стефаном

5. Данные о земельных владениях румынских нобилей на украинских землях подсчитаны профессором, доктором исторических наук Виктором Зарубой (г. Днепр, Украина) и войдут в его новую книгу о помещиках Екатеринославской губернии. Выражаем ему самую искреннюю признательность за предоставленные данные.

6. Сам Михаил Стрильбицкий подписывался как Стрилбицкий, его сын Поликарп как Стрилбицкой. Это говорит о том, что фонетически такое написание ближе к украинской форме Стрільбицький. В русскоязычной историографии принято написание Стрельбицкий, в румыноязычной – Strilbiţki.

и Михаилом Стрильбицкими невозможно. Первые упоминания о молдавском периоде Михаила относится к 20 мая 1755 р., когда М. Стрильбицкий купил некий дом в Яссах [30, p. 262].

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а особенно после, М. Стрильбицкий развил бурную деятельность в области книгопечатания. Сначала арендовал типографию в Молдавской митрополии, а затем получив от П. А. Румянцева разрешение открыть новую типографию в Яссах, М. Стрильбицкий был автором гравюр для «Часослова» (1772), «Катавасиера» (1778), «Псалтыря пророка и царя Давида» (1782), а также издаёт в Яссах, Дубосарах, Могилёв-Подольском «Катехизис» (1777), «Часослов» (1777, 1792, 1794), «Катавасиер» (1778, 1792), «Апостол» (1791), «Букварь» (1792, 1800) и др. светскую и религиозную литературу [30, p. 262]. Указанные издания он печатал на церковнославянском и молдавском (румынском) языках, продолжая свою издательскую деятельность и после 1792 г.[7] К тому же он был издателем первой газеты, напечатанной на территории Молдавии под патронатом Григория Потёмкина. Стоит отметить, что выходила она на французском языке, да и то недолго, всего лишь несколько номеров «Courrier de Moldavie» вышли в Яссах на протяжении 1790 г. По этому поводу Алексей Матеевич отмечал в своей работе: „Во главе печатного дела этого периода мы видим тут не румына и не грека, как это часто бывало раньше, а русского[8] человека, протопопа Михаила Стрельбицкого” [3, с. 271].

С октября 1769 г. главная квартира (т.е. штаб) Первой армии находились в Яссах, где постоянно обретался и М. Стрильбицкий. Он быстро сошёлся с местным духовенством и в частности с молдавским митрополитом Гавриилом. Как человек деятельный и практичный М. Стрильбицкий за время пребывания в Яссах стал доверенным лицом митрополита – „митрополитанским экзархом”[9]. Предполагая и в дальнейшем находиться в столице Княжества, М. Стрильбицкий начал заботиться о своём материальном благополучии, которое могли обеспечить дарованные имения; поскольку был, очевидно, уверен, что русские войска пришли всерьёз и надолго. Так в ноябре 1770 г. на стол П. А. Румянцева легло прошение М. Стрильбицкого с просьбой о даче ему землель Коржеуць на р. Лопатник в Хотинской рае, поскольку обещанное имение Каса Дебейлик[10] в Яссах уже находится во владении Ясского монастыря св. Иоанна Златоуста [15, л. 53].

По поводу имения Каса Дебейлик М. Стрильбицкий ранее обращался к генерал-порутчику Фонштофельну, но в связи с тем, что помянутое имение было в монастырском владении Фонштофельн предложил просителю „на вторичную… прозбу… выбрать другое место, [в соответствие], с предреченным же обещанием” [15, л. 53]. Такое владение, „кое я себе нашел – как писал М. Стрильбицкий – по точному мне сведению” принадлежали ранее турку Газе Низему. Земля Коржевце (в значении: имение, маетность, moșie), очевидно, собственно и представляла собой одноименное село Коржеуць (сейчас: satul Corjeuți, raionul Briceni, Republica Moldova). Внезапная смерть Фонштофельна заставила М. Стрильбицкого в-третье обратиться по тому же поводу, но уже к П. А. Румянцеву, прося о выделении ему маетностей. Как видно из прошения М. Стрильбицкий просит пожаловать ему во владение „землю, называемую Коржевце, посереди раи, состоящую подле

7. О деятельности М. Стрильбицкого после 1792 г. см.: Andrei Eșanu, Valentina Eșanu, Tipărituri de la Dubăsari, Movilău și Chișinău în spațiul românesc de peste Prut (1792–1862), În: Dialogul civilizațiilor. Interferențe istorice și culturale. Culegere de articole. Ad Honorem Victor Țvircun, Cardidact, Chișinău, 2015, p. 45–60.

8. Следует отметить, что вопрос о национальной принадлежности Михаила Стрильбицкого остаётся открытым, хотя Алексей Матеевич за время учёбы в Киевской духовной академии, очевидно, должен был понимать, как звучат русские, а как украинские фамилии. Но вероятно на момент написания этой работы (1915 г.) для создателя текста будущего гимна Республики Молдова это не было принципиальным моментом.

9. „Митрополитанский экзарх” или „Яской митрополии экзарх” так назывался представитель, делегат или доверенное лицо митрополита Молдовы. Уточнение научного сотрудника Института культурного наследия Александра Магола, за что приносим ему большую благодарность.

10. Каса Дебейлик (Каса де Бейлик, Casa de Beylic), изначально строилась как резиденция господарей Молдовы; впоследствии заезжий двор, где останавливались турецкие купцы и эмиссары, приезжавшие в Яссы. Уточнение профессора, доктора истории хабилитат Иона Еремия, за которое выражаем ему искреннюю признательность.

речки Лопатник, близ Хотина” [15, л. 53]. Это прошение не было удовлетворено, о чём свидетельствует отсутствие помет[11].

Забегая наперёд, стоит отметить, что М. Стрильбицкому всё же удастся добиться желаемого результата и он получит в свою собственность некую ,,деревеньку”, которую к 1785 г отнимут местные власти [14, л. 1 об.]. А пока шла русско-турецкая война 1768–1774 гг. М. Стрильбицкий спешил позаботиться о подрастающем сыне. Так, в январе 1772 г. в прошении на имя П. А. Румянцева он ходатайствовал о своем сыне Поликарпе, чтобы ,,опредѣлить его в высокославную ея императорскаго величества регулярную службу и благопризрительно дозволить продолжать ему учение в домѣ моем находяся” [20, л. 50]. В связи с этим прошением М. Стрильбицкому был дан открытый лист, что означало разрешение Поликарпу Стрильбицкому продолжить обучение дома, будучи зачисленным на военную службу.

После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. ситуация для сторонников России в Княжествах значительно изменилась, а сторонников России ождала участь изгнанников. Так, например, настоятель монастыря Куртя-де-Арджеш архимандрит Дамаскин, который искренне поддерживал оккупационные войска Первой российской армии был вынужден в 1780 г. покинуть Цара Ромыняскэ[12]. Спустя 12 лет после окончания войны эта проблема коснулась и Михаила и Поликарпа Стрильбицких. В 1786 г. М. Стрильбицкий, как отмечал Алексей Матеевич, ,,…почему-то перешёл в Могилёв на Днестре, где вторично издал молдавскую Псалтырь” [3, с. 271]. Затем в 1788 г. М. Стрильбицкий снова вернулся с русскими войсками в Молдавию.

Причины для того, чтобы пересечь Пруто-Днестровское междуречье и осесть в Могилёве у Стрельбициx были довольно веские. Неизвестно, как жили они все 12 лет после войны, но в 1785 г. Михаил Стрильбицкий отправляет своего сына с письмами к П. А. Румянцеву-Задунайскому, чтобы он помог им в создавшейся ситуации. Однако, не доезжая Немирова на сержанта российской службы Поликарпа Стрильбицкого напали, а письма к генерал-губернатору Малороссии и президенту Малороссийской коллегии ,,гвалтовным образом нападшими злодѣйскими людми” отобраны. Также напавшие забрали пару лошадей ,,с повозкою, платье, постель и наличных денег доволное число… так, что жизнь моя была в самой послѣдней опасности” [14, л. 1 об.].

Причиной такого рискованного путешествия стало то, что по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. у Стрельбицких возник конфликт интересов с местными властями и, очевидно, с бывшими собственниками пожалованной деревеньки. Генезис этого конфликта вполне мог иметь экономические корни, а поводом их русофильство и разведывательная деятельность в пользу России. Да и само нахождение в Княжествах после ухода русских войск в 1774 г. было небезопасно. Поликарп Стрильбицкий в письме к П. А. Румянцеву сообщал, что всё это произошло ,,по одной необузданной злобѣ и ненависти неиноверных, но извѣстныхъ яских обывателей, коих искателством без всякого уважения о прошедших и будущих случаях, не толко за бывшую вѣрную… родителя моего службу данная деревня отнята, но равно и содержатое нами для домоваго управителства к неминуемому нашему убужеству (!) и к отобранной из нас на всегдашнее время за вѣрную службу

11. Прошение [М. Стрильбицкого] от 7 ноября 1770 г. на момент подготовки к публикации (апрель 2017 г.) не было атрибутировано нами как приналежащее М. Стрильбицкому // Пономарёв А.М. Положение Молдавской Церкви во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов. În: Revista de etnologie şi culturologie, vol. XXII, Chişinău, 2017, с. 77. Однако позже, сравнив почерк подписей и титулатуры в конце документов, мы пришли к выводу, что прошение от 7 ноября 1770 г., подписанное ,,К сему прошенію священикъ Михаил, єξархъ митрополитанской руку приложилъ” (опубликованное в 2017 р. Док. № 4), как и прошение за январь 1772 г. (Док. № 3 настоящей публикации), подписанное ,,Яскои митрополіи єксархъ, ієрєи Михаилъ Стрилбицкій”, вне всякого сомнения, принадлежат М. Стрильбицкому.

12. В письме киевского митрополита Гавриила (Кременецкого) генерал-губернатору Малороссии Петру Румянцеву-Задунайскому от 29 апреля 1780 г. шла речь об определении архимандрита Дамаскина в Глуховский Петропавловский монастырь // ЦГИАК Украины, ф. 763, оп. 1, д. 674, л.1. Подробнее о жизни этого церковного деятеля смотрите изданные нами документы // А.М. Пономарёв, Неизданные документы о настоятеле румынского монастыря Куртя-де-Арджеш архимандрите Дамаскине времён русско-турецкой войны 1768–1774 годов, // Firul viu, ce leagă timpuri: Culegere de articole: Ad honorem Victor Ţvircun, Chişinău, 2020, с. 679–694.

насмѣшкѣ, типографія, с прискорбною чувствителностію от духовной власти выпечатываніем книг приостановлена, так что час от часу сближаемся мы к послѣднему неимуществу, почему и не доставало уже болѣе в насъ терпѣния за силу того и послан я былъ от родителя моего из Яс для особливого и полномочного вашего высокографского об нас благоусмотренія” [14, л. 1 об.].

Поликарп Стрильбицкий просил П. А. Румянцева, чтобы он ,,вашего высокографского сиятелства заступленіем воздействовали по их желаніям, и, чтоб проницателным благоразуміем высокомилостивно соблаговолили посредством консула нам, сбѣдняемым, предоставить способ к возвращенію по-прежнему и с прежним дѣйствием, хотя одной типографіи, а иначе не остается уже для нас других мѣръ к прожитію” [14, л. 1 об.].

Очевидно, что всё же стараниями консула[13] типография (или же типографское оборудование, которое стоило весьма дорого) была возвращена Стрильбицким, но их владельцы, не желая рисковать своими жизнями, открыли типографию в Могилёве в 1786 г., как мы уже упоминали [3, с. 271].

Современные исследователи высказывают предположение, что в 1787 г. молдавский митрополит Леон Геукэ сотрудничал с российскими секретными службами, отправляя информацию через Прут со своим агентом М. Стрильбицким [29, p. 346]. Тогда же в 1787 г. тайный советник А. А. Безбородко писал к консулу России в Дунайских княжествах И.И. Северину о необходимости покровительствовать М. Стрильбицкому и его семье за их службу. ,,Такова его преданность, не меньше как и то, что он, родившийся в империи Российской, есть истинный подданный ее величества, навлекает на него немалую опасность и особливо, как ныне из опытов оказывается, что самые господари по видам корысти жертвуют единоверными им подданными” [9, с. 110]. Императрица Екатерина II принимала М. Стрильбицкого в своё покровительство, приказывая ,,определить его при консульском вашем посте в Яссах с пенсиею по триста рублей в год, позволяя ему носить на шее крест, каков употребляют архимандриты в России и при некоторых миссиях священники. Повелевает ее величество защищать во всяком случае его, сына его, армии прапорщика Стрельбицкого и внука его, в службу ее записанного, особливо, дабы они могли пользоваться типографиею, ими в Яссах заведенною, для печатания книг на российском, греческом и других языках” [9, с. 110].

Турки были осведомлены о деятельности М. Стрильбицкого в пользу России, а поэтому, чтобы не искушать судьбу он вторично покидает Запрутскую Молдову уже после русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и перебирается в Дубоссары (1792–1794), а затем в Могилёв (1796–1800) [29, p. 346].

Михаил Стрильбицкий сделал довольно стремительную карьеру в Молдавском княжестве, находясь при этом одновременно в нескольких личностных измерениях: при молдавском митрополите – как доверенная особа; при российском военном командовании – как личность посвящённая в тайны; а также как предприниматель, который удачно занимался типографско-издательской деяльностью. Последний род занятий унаследовал его сын Поликарп, который одновременно был сержантом, а потом прапорщиком и подпоручиком на российской военной службе. К тому же за время жизни в Молдавском княжестве Михаил Стрильбицкий был собственником нескольких имений, постоянно стремясь увеличить их количество.

* * *

В публикуемых документах и в текстовых цитатах слова под титлами раскрыты, выносные литеры проставлены курсивом, пунктуация уточнена, описки огласованы восклицательным знаком в круглых скобках (!), повреждённые, нечитаемые или пропущенные по смыслу слова вставлены в квадратных скобках [...]

Документ № 1. 1770 г., ноября 6. – Донесение спэтарула (мечника) Дивана Княжества Мунтения (Валахия) Стефана Топличана главнокомандующему Первой армией генерал-фельдмаршалу Петру Румянцеву о своей службе; о понесённых убытках от турок; о просьбе сохранить за ним чин, а также принять его сыновей в Кадетский корпус

13. Консулом в Молдове и Валахии в 1785 г. был И. И. Северин, местопребыванием которого были, то Яссы, то Бухарест. Вице-консулом в Яссах в это время был И. Л. Селунский.

Его сіятельству высокоповелительному господину генералъ-фелтмаршалу, Малороссіи генералъ-губернатору, президенту Малороссійской кольлегіи и разныхъ ординовъ кавалеру, графу Петру Александровичю Румянцову

Княжества Мунтянского сербской націи от спатаря Стефана Топличана

Доношеніе

Из давнихъ временъ, хотя я и имѣлъ желаніе, по моему усердію, оказать вѣрность къ службѣ ея императорскаго величества, точию время до того не доходило, и въ действіе того моего желанія привесть не могъ. А при зачинающейся съ туркомъ нонѣшней[14] войны, имѣя уже способъ тое моє желаніе исполнит, не хотѣл пропускать времени всѣ свои силы и возможности къ тому употребить, чинилъ вспоможеніе состоящимъ ея императорскаго величества войскамъ въ Мунтяніи[15] во всякихъ нужныхъ надобностяхъ. А особливо въ продовольствіи провиантомъ, не токмо въ збираніи отъ земли, но за недостаткомъ, чтобы войско ея императорскаго величества никакой нужды не претерпѣвало я своегѡ собственного хлѣба изъ деревень моихъ, не требуя за то никакой заплаты, выдалъ на россійскую мѣру: муки, пшеницы и проса тысячу дватцать да ячменю триста дватцать четвертей.

О которой моей усердной службы[16], и, что я безъотлучно при войске ея императорскаго величества находился и предписанное // вспоможеніе чинилъ, командующей тогда корпусомъ въ Мунтяніи и въ Молдавии, нынѣ покойной господинъ генералъ-порутчикъ Фонштофелнъ, зналъ, отъ которого в то время данной мнѣ атестатъ, при семъ, такожъ и господина генерал-маіора и кавалера графа Подгоричани атестат же в оригиналѣ всепокорнѣйше подношу[17].

Ваше жъ высокографское сіятелство сєго года отъ 16-го гєнваря Княжества Мунтянского въ Диванъ писать изволили, между протчимъ, повѣлѣли, чтобъ я въ томъ Диванѣ остался, какъ и преждѣ был въ должности спатарской, почему я во всѣ время и понынѣ въ томъ чинѣ и остаюсь, и былъ безъотлучно при своемъ правленіи, даже до выходу изъ Бокурешта[18] войскъ россійскихъ. А послѣ того, какъ я, человекъ, имѣя фамилію свою, во избѣжаніе мучительскихъ турецкихъ рукъ въ Бокурестѣ и въ Мунтяніи, чтобъ съ фамиліею своею не подвергнуть себя варварской неволѣ и не потерат бы жизни, оставатца не хотѣлъ, а взявъ жену и дѣтѣй своихъ, оставя все свое имущество слѣдовалъ при корпусѣ отъ Бокуреста в Молдавію. А за приключившейся мнѣ тяжелой на гарячку болѣзни, уклонился въ Молдавию въ горы, гдѣ проживалъ, бѣдствуя въ тѣхъ горахъ и въ лесахъ, убѣгивая страху варварскаго до полученія отъ той болѣзни облехченія. А оставшее мое имущество въ разныхъ мѣстахъ: пять каменныхъ домовъ и палатъ, и все к тому принадлѣжащее строеніе, виноградъ и скот всѣ безъ остатку въконецъ разорено и пограблено турками. Вѣдая довольно о моей чинимой вѣрности войску россійскому и отличной службы[19], и чрезъ то, имѣя // злость болшъ, нежель другимъ, таково зло и раззореніе учинено, и нижѣ малѣйшимъ темъ, чтобъ я ползоватца могъ, не оставили, а обратили въ совершенную гибель, отъ чего я ныне, будучи человѣкъ пред тѣмъ въ достатке, пришелъ до крайнего убожества.

Того ради, вашего высокографского сіятельства всепокорнѣйше прошу сіе мое доношеніе принять, и о моемъ нонышнемъ[20] обстоятельствѣ, въ разсужденіе предписанной моей ревностной ея императорскаго величества войску службы, учинить высокомилостивое разсмотреніе. И какъ нынѣ, по власти Всевышняго Творца, войски россійскіе непобѣдимымъ своим оружіемъ имѣютъ авантажъ[21] и вступили, по-прежнему, въ Княжество Мунтянское, то, чтобы я при Диванѣ тѣмъ спатарскимъ чином навсегда остатца могъ, учинить повеленіе и отъправит бы меня къ находящемуся въ Мунтяніи

14. нынешней.

15. Тут и далее Мунтеніи.

16. службе.

17. Аттестатов в деле не выявлено.

18. Тут и далее Бухареста.

19. службе.

20. нынешнем.

21. успех.

корпусу, дабы я нынѣ, какъ и прежде, въ потребностяхъ и въ доставленіи провианта, сколько возможность моя будет, свою услугу и ревность показать могъ.

Я жъ имѣю пять сыновей, исъ которых два для просвѣщенія въ науки, и чтобы и они навсегда службу и вѣрность ея императорскому величеству оказывать могли, желаю оных, обѣихъ[22] отдать къ учрежденной при дворѣ ея императорскаго величества Кадетской корпусъ, которыхъ о принятіи и об отправленіи отъдаю на высокомилостивое вашего высокографского сіятельства разсмотреніе.

Стефанъ Топличанъ, спатаръ

Ноября 6 дня 1770 году

ЦГИАК Украины, ф.246, оп.1, д.137, л.54 и об., 64. Подлинник. Подпись-автограф

Документ № 2. 1771 г., н.п. 7 августа. – Донесение полковника Волошского гусарского полка князя Родиона Кантакузино (Кантакузена) главнокомандующему Первой армией генерал-фельдмаршалу Петру Румянцеву о вербовке гусар в его полк в Фокшанах; о выделении для полка жалованья, обмундирования и лошадей; о просьбе принять его старшего сына на военную службу

Сіятелнѣишіи графъ, милостівіи государь

Бєзъпримѣрное щастіе, которое въ жизни имѣю, ползоватся столь изобылно высочаишєю єя імпєраторского вєличєства милостію, єдинствєннымъ вашєго сіятєлства прєдстатєлствомъ[23], мнѣ доставлєнною и возложєннои на мєня чинъ, чувствитєлнѣишє одолжаютъ мєня соотвєтствовать всєму истинною моєю в службѣ єя імпєраторского вєличєства рєвностію и нєусипнымъ стараніємъ о успєхахъ и ползѣ высоких єя интєрєсовъ.

Ітакъ, съ стороны сєи, слѣдуємои по чину моєму службы, я отваживаюсь прєдставить вашєму сіятєлству мои слѣдующиє прошєніи. Къ вєрбованію въ полкъ мои въ гусары людєи изъбралъ я способным мѣстомъ городъ Фокшаны, гдє мнѣ жить и сєи наборъ продолжать гораздо другихъ мѣстъ вигоднєє будетъ. Мєжду тѣмъ, какъ наборъ произходить будетъ, надобность для сєбѣ нахожу и опрєдѣлєніє въ сєи мои полкъ Ахтырского гусарского полку маиора Богданова и капитана Гаврила, на пєрвои только случаи, пока со врємєнємъ полноє число // штаб- и обєръ-афицєровъ къ доставлєнію нужно будетъ. Особливо хочу имѣть повєлєніє (таковымъ штабъ- и обєръ-афицєрамъ, такжє и рядовымъ) отъкуду получать жалованьє, мундиръ, ружьє и лошадєи, о чємъ набранныя ужє мною гусары єжечасно мнѣ скучаютъ[24].

Находящіися при мнѣ изъ волоских жителєи по имєнны[25]

Панаіотъ, которои будучи во всєх баталиях и во врємя бытности турковъ употрєбляємъ былъ в нужныє посилки, ожидаєтъ милостивого вашєго сіятєлства призрєнія. Я єго вашєму сиятєлству рєкомєндуя, прошу о пожалованіи в тои жє полкъ прапорщикомъ, ручаясь[26] о єго к тому способности и достоинствє.

Свєрхъ всєго сєго, принадлєжащєго к долгу службы моєи, осмѣливаюсь я вомѣстить[27] тут жє и партикулярную свою нижаишую прозбу о родномъ своємъ сынѣ, чтоб ваше сія (!) сіятєлство, умножая свои ко мнѣ милости, повєлєли принять и сєго въ службу єя імпєраторского вєличєства с подобнымъ милосєрдия примѣромъ, явлєннымъ // при приємѣ мєншєго моєго сына.

На всѣ сіи мои нижаишіє донєсєніи, желаю я удостоится высокои и милостивои[28] вашєго сіятєлства рєзєлюціи въ глубочаишємъ повинєніи[29] имѣть.

22. обоих.

23. по представлению.

24. докучают.

25. имени.

26. Слово правлено.

27. вместить, поместить.

28. Слово правлено.

29. повиновении.

Сіятєлнѣишій графъ, милостівіи государь, вашєго сіятєлства всєнижаишіи слуга

Полковникъ князь Радіонъ Кантакузєнъ

Іюля __ дня[30] 1771-го года

№ 22

Пометы: Подано 7 августа 1771 году. Ордировано 8 августа.

ЦГИАК Украины, ф.246, оп.1, д.224, л.53 и об., 63. Подлинник. Подпись-автограф

Документ № 3. 1772 г., н.п. 16 января. – Прошение ясского протопопа Михаила Стрильбицкого (Стрельбицкого) главнокомандующему Первой армией генерал-фельдмаршалу Петру Румянцеву с просьбой принять его сына Поликарпа на военную службу

Его сіятелству высокоповелителному господину генералу-фелдмаршалу, командующему арміею, Малои Россіи генералу-губернатору, Коллегіи малороссіиской президєнту, трехъ россіискихъ ординовъ и голштинскаго Святія Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову

Нижаишое прошеніе

Посвятивши себя службѣ єя императорскаго величества усердно желаю, чтобъ и синъ мои Поликарпъ, которой обучается нынѣ россійскому и гречекому[31] язику, вступилъ въ оную и заслужилъ высочайшія єя императорскаго величества но[32] меня, нижайшаго, чрезъ великодушное вашего сіятелства посредство излияннія. Я потому дєрзаю онего[33] повергнуть къ стопамъ вашего сіятелства и просить всєнижайше опредѣлить єго въ высокославную єя императорскаго величества регулярную службу и благопризрительно дозволить продолжать єму ученіе в домѣ моемъ находяся.

Яскои митрополіи єксархъ, ієрєи Михаилъ Стрилбицкій

1772-го года гєнваря «__» дня[34]

Пометы: № 136. Получєн гєнваря 16. Дан открытои лист 17 гєнваря.

ЦГИАК Украины, ф.246, оп.1, д.316, л.50. Подлинник. Подпись-автограф

Литература:

1. Век Екатерины II. *Дела балканские* /отв. ред. В. Н. Виноградов. Москва: Наука, 2000.
2. КОТЕНКО, И .А. *Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг.* В: Ученые записки Тираспольского госпединститута, Вып.III, Кишинёв, 1957.
3. МАТЕЕВИЧ, А. *Молдавское церковно-богослужебное книгопечатание в основных моментах его истории. В:* Алексей Матеевич. Избранное. Кишинёв, Литература артистикэ, 1988.
4. ПЕТРОВ, А. Н.*, Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1769-1774 гг.* Т. 1, СПб., 1866.
5. ПОНОМАРЁВ, А. М. Неизданные документы о настоятеле румынского монастыря Куртя-де-Арджеш архимандрите Дамаскине времён русско-турецкой войны 1768–1774 годов. *В*: *Firul viu, ce leagă timpuri: Ad honorem Victor Ţvircun.* Culegere de articole. Cardidact, Chişinău, 2020.
6. ПОНОМАРЁВ, А. М. Положение Молдавской Церкви во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов. В: *Revista de etnologie şi culturologie*, vol. XXII, Chişinău, 2017.
7. РЕПИНА, Т. А. *История румынского языка.* Учебник, СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002.
8. РОЗСОХА, Л. *Миргородщина козацька і гоголівська,* Миргород, б/и, 2009.
9. *Россия и освободительная война молдавского народа против османского ига. 1769–1812* / под ред. Н. А. Мохова, Д.М. Драгнева. Кишинёв, Штиинца, 1984.
10. РУМЯНЦЕВ, П. А. *Документы. 1768-1775.* Т. II. /под ред. полковника П. К. Фортунатова. Москва, Военное издательство, 1953.

30. День не указан.

31. греческому.

32. на.

33. оного.

34. День не указан.

11. СЕМЁНОВА, Л. Е. *Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в.* (Очерки внешнеполитической истории), Москва, Индрик, 2006.
12. ТОМАЗОВ, В. *Греки-хіосці на Півдні України (кінець XVIII ст.–1917 р.): між традиціями національного самозбереження та практиками соціокультурною адаптації*, Київ, Інститут історії України, 2020.
13. Фельдмаршал Румянцев. *Документы, письма, воспоминания.* /Сост. А. П. Капитонов. Москва, Наука, 2001.
14. ЦГИАК Украины, Ф. 51, оп. 1, д. 1424.
15. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 137.
16. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 224.
17. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 225.
18. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 239.
19. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 306.
20. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 316.
21. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 312.
22. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 314.
23. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 333.
24. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 442.
25. ЦГИАК Украины, Ф. 246, оп. 1, д. 853.
26. ЦГИАК Украины, Ф.729, оп. 1, д.809.
27. ЦГИАК Украины, Ф. 763, оп. 1, д. 674.
28. EŞANU, A., EŞANU, V. Tipărituri de la Dubăsari, Movilău și Chișinău în spațiul românesc de peste Prut (1792–1862). În: *Dialogul civilizațiilor. Interferențe istorice și culturale.* Culegere de articole Ad Honorem Victor Ţvircun, Chișinău, Cardidact, 2015.
29. EŞANU, A., EŞANU, V. Mihail Strilbiţki în relaţiile moldo-ruse 1787–1791. În: Andrei Eşanu, Valentina Eşanu. *Moldova medievală. Structuri executive, militare* şi *ecleziastice*, Chișinău, ARC, 2001.
30. *Repertoriul tipografilor, gravorilor, patronilor, editorilor cărţilor româneşti: (1508–1830)* / coord.: Eva Mârza, Florin Bogdan. Sibiu, Astra Museum, Techno Media, 2013.
31. TCACI, V. Consideraţii privind poziţia populaţiei din Moldova faţă de războiul ruso-turc din 1768-1774. În: *Ananlele asoţiaiţiei naţionale a tinereţilor din Moldova,* Revista de istorie. nr. 10, 2012.

Данные об авторе:
Александр ПОНОМАРЁВ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Древних Актов Центрального государственного исторического архива Украины, Киев.
ORCID: 0000-0001-5492-0804
E-mail: mihalych1878@gmail.com

Получено: 30.09.2025